

Один завтрак Цзян Юй умудрился растянуть с шести утра до девяти.

Цзян Юй то съедал пару ложек, то снова останавливался. Еда давно остыла, но Ши Цзянтин не торопил — просто спокойно сидел рядом и ждал.

Призраку еда не требовалась. Ему нужно было кормить только Цзян Юя, а это не составляло никакого труда.

Наконец Цзян Юй отложил палочки, отвернулся и замолчал.

Ши Цзянтин, словно привык к этому, собрал посуду и отправился на кухню.

Двигался он естественно и привычно, будто они действительно были обычной парой, живущей вместе самой заурядной жизнью.

Если бы за стенами не существовало шумного мира, нашлись бы люди, которым понравилась бы такая тихая жизнь?

Возможно.

Но Цзян Юй никогда бы с ней не смирился.

Раз он ещё жив, значит должен жить жизнью живого человека.

Он не собирался оставаться здесь пленником Ши Цзянтина и позволять тому мстить и управлять собой.

— Хочешь потом пойти с мужем сажать овощи? — спросил Ши Цзянтин с кухни, отщипывая подгнивший лист и с отвращением выбрасывая его в мусор.

Поскольку выбраться за покупками было невозможно, усадьба существовала почти на полном самообеспечении: чистая вода из ручья, плодородная земля. Овощи и фрукты, которыми питался Цзян Юй, в основном выращивал сам Ши Цзянтин.

Грядок было немного — ровно столько, чтобы прокормить одного человека.

Посадили — съели. Съели — снова посадили.

Так и жили.

Цзян Юй холодно спросил:

— И сколько лет ты собираешься этим заниматься?

— Зависит от того, сколько ты проживёшь, — мрачно улыбнулся Ши Цзянтин. — Конечно, если согласишься умереть, мне больше не придётся возиться.

— Я не умру.

— Знаю. Ты же боишься смерти.

С нынешней силой Ши Цзянтин мог убить Цзян Юя в любую секунду.

Но специально оставлял его в живых, день за днём заставляя ощущать угрозу смерти.

Ему нравилось медленное мучение — словно резать человека тупым ножом, кусок за куском.

— В конце концов... тебе ещё наследовать состояние на миллиарды, верно, А-Юй? — с насмешкой добавил он.

Губы Цзян Юя едва заметно дрогнули. Пальцы впились в край стула.

Ш-ш-ш...

Вода шумела из крана. Ши Цзянтин спокойно мыл посуду. Со спины он выглядел высоким и стройным мужчиной — совершенно не похожим на призрака.

Цзян Юй нехотя признавал: после смерти Ши Цзянтин действительно вырос в весьма привлекательного человека.

И тут тот вдруг обернулся.

— Как думаешь, ты пропал уже полгода. Твои приёмные родители расстроены? Переживают?

Вопрос словно иглой вонзился Цзян Юю в самое болезненное место.

— Я... сейчас их сын. Конечно, они переживают! Они наверняка отправили сюда кучу поисковых групп и до сих пор ищут меня!

Голос немного дрожал, но Цзян Юй упрямо продолжал спорить.

Ши Цзянтин прищурился. Улыбка стала жестокой.

— А мне почему-то помнится, что пять лет назад они усыновили ещё одного ребёнка.

Лицо Цзян Юя моментально побелело. Губы задрожали, но ни одного слова он сказать не смог.

Ши Цзянтин не собирался останавливаться. Шаг за шагом приближался, словами загоняя Цзян Юя в угол.

— Они любят его сильнее, чем тебя. Ведь уже на второй день после того, как забрали тебя из приюта, они пожалели, правда? В том доме тебе было плохо. Ты по-прежнему был вещью, которая есть — хорошо, нет — никто не заметит. Даже собаку там любили больше...

— Заткнись! Заткнись!!

Последняя нить самообладания оборвалась.

Цзян Юй почти обезумел. Он закричал так, что в голосе смешались боль и ярость.

Эти слова сорвали с него всю защиту и выставили наружу рану, спрятанную глубже всего.

Любимый ребёнок?

Сокровище богатой семьи?

Да он всего лишь бракованная вещь, которую из жалости подобрали и принесли домой, а потом оставили пылиться в углу.

Психическое состояние Цзян Юя и без того было ужасным. Он напоминал струну, натянутую

до предела и готовую лопнуть в любой момент.

Он дрожал, съёжившись на стуле, обхватив себя руками.

Тогда Ши Цзянтин подошёл и мягко обнял его, поглаживая по спине.

— Всё хорошо. Больше не бойся. Они чужие. Только я, А-Юй. Только я ближе всех к тебе.

Он говорил ласково, почти убаюкивающе.

— На меня можешь злиться. Можешь капризничать, быть эгоистом, бить меня, ругать, даже убивать — всё можно. У меня только одно требование.

Он наклонился к самому уху Цзян Юя.

— Не уходи от меня.

Голос звучал так тепло, что на мгновение можно было забыть обо всём: о ненависти, о боли, о том, что они сделали друг другу.

Тело Цзян Юя застыло.

Под этой фальшивой заботой Цзян Юй медленно поднял руку, будто и вправду хотел обнять Ши Цзянтина в ответ.

Пальцы почти коснулись спины Ши Цзянтина...

Но взгляд внезапно прояснился.

Цзян Юй резко оттолкнул его.

— Ты отвратителен.

Улыбка Ши Цзянтина на миг застыла, но почти сразу вновь стала беззаботной.

— Какая жалость. А-Юй всё ещё меня не любит.

— Хочешь, скажу, что люблю тебя, муженёк?

— Не хочу. Мне тоже будет противно.

Они мучили друг друга, словно два скрученных прута арматуры, намертво сцепившихся между собой.

Их отношения давно исказились до предела: ненависть переплелась с зависимостью, и ни один уже не мог просто взять и уйти.

Цзян Юй понимал: ещё немного — и он бы «поддался».

Слова Ши Цзянтина звучали как обещание защиты, как предложение укрыться в безопасном месте.

На самом же деле тот шаг за шагом толкал его в пропасть.

Ши Цзянтин хотел стать его единственной соломинкой, за которую Цзян Юй будет хвататься,

пока окончательно не перестанет существовать без него.

Не верь внешней заботе.

Не подчиняйся ему по-настоящему.

Цзян Юй снова и снова повторял это про себя.

Он обязан сбежать.

Иначе — умрёт.

Он поднял глаза на спину Ши Цзянтина и сжал зубы.

Высокая фигура казалась холодной и отчуждённой. Казалось, вокруг Ши Цзянтина сгушался невидимый мрак.

Цзян Юй знал: Ши Цзянтин хочет его убить.

В тех совершенно чёрных глазах постоянно скрывалось сдерживаемое убийственное намерение.

Он удерживал себя.

Словно чего-то ждал.

Чего именно?

Почему не убивал его сразу?

Цзян Юй не знал.

Он знал только одно: нужно выбраться отсюда раньше, чем Ши Цзянтин всё-таки решится.

Выключенный телевизор вдруг сам собой загорелся.

С края экрана просочилась тонкая чёрная нить и растворилась в воздухе.

Она тянулась от руки Ши Цзянтина. Тот небрежно потёр подушечки пальцев.

— Чтобы не скучал. Подключил тебе телевизор. Смотри что хочешь.

Способность и вправду казалась невероятной — почти всемогущей.

Но Цзян Юй редко видел, чтобы Ши Цзянтин ею пользовался.

Может, его сила ограничена? Если расходовать слишком много, она закончится?

Экран несколько раз покрылся помехами. Изображение шло рывками, словно сигнал ловил древний телевизор с антенной.

Так всегда бывало с видео, добытым сверхъестественным способом. Даже цвета исчезали — оставалось одно чёрно-белое изображение.

Цзян Юй уставился на экран с мёртвым взглядом.

Он не то чтобы не любил телевизор.

Просто дёргающаяся картинка раздражала ещё сильнее.

Но выбора не было.

В этой глуши он не мог выходить наружу, не имел никаких других развлечений, да и каждый шаг находился под наблюдением.

Хорошо уже, что вообще было что смотреть.

Он наугад включил мультфильм и откинулся на спинку дивана. Во взгляде не осталось ни единой эмоции.

Рядом диван вдруг продавился.

Ши Цзянтин подсел вплотную, по-хозяйски положил руку ему на плечи, пристроил голову у шеи и посмотрел на экран.

— История про большого серого медведя и белого кролика? — тихо рассмеялся он. — Помню-помню. Медведь не съедает кролика, а спасает его. Такая добрая история. Ха-ха, не думал, что снаружи ещё показывают настолько детские мультики.

— Все мультфильмы детские.

— По-моему, нормально, — ухмыльнулся Ши Цзянтин и тут же добавил так, что стало не по себе: — Вот если бы в конце большой медведь всё-таки съел кролика, было бы интереснее.

— Детский рейтинг. Такое не покажут.

Минут через десять Ши Цзянтин заскучал.

— Неинтересно. Давай покажу тебе кое-что получше.

С пальцев снова сорвались чёрные нити.

Экран бешено замерцал, а через несколько секунд изображение внезапно стало чётким.

Шёл экономический выпуск новостей.

И люди на экране были...

приёмными родителями Цзян Юя.

<http://bllate.org/book/19625/1935185>